

УДК 821.161.1(575.2) (04)

## СУДЬБА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КЫРГЫЗСТАНА: ЛИТЕРАТОРЫ И ВЛАСТЬ

*С. В. Плоских*

Рассматривается становление национальной кыргызской интеллигенции, проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти в советский период.

*Ключевые слова:* писатели; власть; С. Карачев; К. Тыныстанов; А. Токомбаев; М. Горький; Е. Поливанов; “Эркин Тоо”; “Красный цветок”; Союз писателей; репрессии.

Взаимоотношения интеллигенции и власти – тема, волнующая многие поколения деятелей науки и культуры. Интерес к ней всколыхнул общественность, когда после долгих лет вынужденного молчания и односторонней трактовки лозунга о “руководящей роли партии” появилась возможность свободного высказывания мнения, открылся доступ к ранее засекреченным материалам, появились публикации архивных документов высших эшелонов власти и карательных органов.

Научная литература по рассматриваемой проблеме обширна, но она относится в основном к советскому периоду и окрашена в мажорные тона. В период суверенизации республик акцент в исследованиях делался на репрессивную политику партии. И это понятно: только в последней четверти века стали появляться документальные свидетельства о роли властей в жестком диктате партии, в моральном и физическом уничтожении инакомыслящей интеллигенции. Даже частичная публикация ранее засекреченных источников позволяет по-новому взглянуть на этот процесс и высказать автору свое мнение.

Одной из предпосылок возникновения кыргызской национальной литературы являлось исторически развитое устное народное творчество.

“Что касается кыргызской советской поэзии в ее письменно-печатном выражении, – считает авторитетный киргизский литературовед и критик С. Джигитов, – то она появилась на свет не как прямая преемница или наследница акынской поэзии, а как качественно новое художественное явление, вызванное к жизни совершенно новыми общественно-духовными потребностями”<sup>1</sup>. Профессиональные письменни-

ки существенно отличались от представителей фольклорной поэзии и по существу являлись первыми представителями киргизской интеллигенции.

Творчество поэтов и интеллигенции первой “волны” в республике не получило непосредственного продолжения после создания национальных органов печати. Почти все они из-за острой нехватки грамотных кадров в республике были мобилизованы на другие участки работы. Некоторые полностью посвятили себя партийно-советскому строительству и становлению народного образования, другие занялись журналистикой и лингвистикой. Партийное руководство республики всерьез полагало, что занятием в кружках из малограмотных передовиков труда можно вырастить настоящих мастеров слова. По существу, это была официальная ставка на развертывание национального литературного цеха в самостоятельном направлении, попыткой закрепления существующей системы стихийного формирования национального писательского труда и послушных отрядов интеллигенции. Самой яркой личностью, вступившей на творческий путь в это время, был Касым Тыныстанов (1901–1938). В Москве издается сборник его стихов на казахском и киргизском языках. Став активным корреспондентом газеты “Эркин Тоо”, он затем занялся проблемами просвещения (был министром) и наукой.

Вторая “волна” литературной интеллигенции объединяла тех, кто был призван в литературную деятельность первой газетой на киргизском языке “Эркин Тоо”. Поэты и писатели в основном были выходцами из народных низов, испытали сиротскую или бедняцкую долю и с детских лет подвергались социальному гнету. Это Аалы Токомбаев (1904 – 1988), Мукай Элебаев (1905 – 1944), Бөрү Кененсариев (1896 – 1964), Шарип Кокенов (1894 –

<sup>1</sup> Джигитов С. Обретение новых традиций. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. С. 34.

1951). Все они были коммунистами – таково было веление времени.

В целом творчество первых поэтов – это отражение непростой картины жизни общества, процесса зарождения национальной письменной поэзии, постижения художественного мастерства молодыми кыргызскими литераторами<sup>1</sup>. Поэтический сборник “Красный цветок” стал изданием, через которое в полный голос заявила о себе новая плеяда национальной интеллигенции Кыргызстана.

Киргизская литература второй половины 20-х годов отличалась государственно-политической направленностью тематики, лирических же произведений, выделявшихся высокими художественными достоинствами, создавалось еще немного.

В 1927–1929 гг. в складывающуюся киргизскую литературу вливается третья “волна”. Это Джоомарт Боконбаев (1910–1944), Касымалы Джантошев (1904–1968), Муканбет Догдуров (1906–1968), Масыралы Кырбашев (1903 – 1947), Кубанычбек Маликов (1911–1978), Сатыбалды Нааматов (1905–1937), Саткан Сасыкбаев (1908), Джусуп Турусбеков (1910–1943).

В начале 30-х годов появляется четвертая “волна” литераторов: Тугельбай Сыдыкбеков (1912–1997), Толен Шамшиев (1913–2000), Райкан Шукурбеков (1913–1962), Касымбек Эшмамбетов (1910–1984), которые, тяжело пережив годы массовых репрессий 1937–1938 гг., сумели, тем не менее, адаптироваться к условиям жизни и авторитарному режиму власти.

Здесь названы лишь те, кто в период 1924–1934 гг. стал автором хотя бы одного или нескольких произведений, изданных отдельными книгами, или пьес, поставленных на сцене зарождающегося профессионального национального театра. Эти писатели принимали непосредственное участие в национальном литературном движении второй половины 20 – первой половины 30-х годов и по праву могут быть отнесены к числу ее зачинателей, стали костяком новой советской национальной интеллигенции.

Библиографические источники свидетельствуют, что первые кыргызские интеллигенты – представители ранней киргизской профессиональной литературы – в основном получили образование в средних учебных заведениях разных типов, главным образом в педагогических техникумах. Только Б. Кененсариев еще до революции получил в домашних условиях религиозное воспитание и основательные светские познания.

Большинство зачинателей кыргызской литературы были выходцами из народной гущи. Под воз-

<sup>1</sup> Эркебаев А. Малоизученные страницы истории кыргызской литературы. Бишкек, 1999. С. 179.

действием систематического образования их самосознание поднималось на новый уровень, складывались новые жизненные цели и мотивы деятельности, в том числе и стремление к литературному творчеству. Этот процесс не был стихийным. Через органы власти он регулировался местными политиками.

Киргизская литературная среда 20–30-х годов формировалась главным образом в городе Фрунзе, ставшем не только административно-политическим центром республики, но и колыбелью новой национальной духовной культуры и местом средоточия ее творцов. А редакции газет (в частности “Эркин Тоо” и “Ленинчил жаш”) стали своеобразными центрами притяжения и сплочения литературных сил, в них же молодые литераторы “пробовали свое перо”. Однако, сгруппировавшись вокруг газет, молодые литераторы не стремились как-то организационно оформиться, как это сделали их малочисленные русскоязычные коллеги, основавшие еще в 1925 г. самостоятельную Киргизскую ассоциацию пролетарских писателей (Кир. АПП – по образцу и подобию союзной РАПП).

Во второй половине 20-х годов в Киргизском институте просвещения (впоследствии – Центральный педагогический техникум), где получили образование некоторые из родоначальников киргизской литературы, функционировал единственный литературно-творческий кружок.

В 1927 г. на базе студенческого кружка было организовано объединение киргизских писателей, “Кызыл учкун” (“Красная искра”) – начало будущего республиканского союза писателей<sup>2</sup>. Судя по скудным печатным материалам того времени “Кызыл учкун”, несмотря на объявление его объединением молодых киргизских писателей, оставался преимущественно самостоятельным кружком студентов Киргизского педтехникума. Литераторами, уже работавшими в различных культурных учреждениях Фрунзе, он всерьез не воспринимался, тем более, что “красно-искровцы”, в среде которых лидировал А. Токомбаев, не поддерживали творческие позиции более опытных литераторов того времени, таких как К. Тыныстанов, С. Карачев, К. Баялинов, Ш. Кокенов, Б. Кененсариев и других, и даже обнаруживали у них “контрреволюционные ошибки” и “байско-манапские идеи”<sup>3</sup>. Позже эти отношения перерастут в антагонистические

<sup>2</sup> Данияров С.С. Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. Фрунзе, 1980. С. 223.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Эркебаев А. Малоизученные страницы истории кыргызской литературы. Фрунзе, 1978. С. 194.

и спровоцируют идеологическое шельмование, которое в конечном итоге завершится репрессиями многих представителей противостоящих сторон.

В августе 1930 г. противоборствующие литературные группы слились в одну – Киргизскую ассоциацию пролетарских писателей, ответственным секретарем которой был избран критик и собиратель молодых киргизских литераторов И. Тойчинов<sup>1</sup>.

Косвенные факты из публикаций тех лет указывают, что с 1931 г. в КирАПП лидирующее положение занимал А. Токомбаев. Документальных материалов о деятельности КирАПП, однако, не сохранилось. Имеются лишь газетные объявления, приглашающие членов и кандидатов в члены КирАПП на ее собрания. Отсюда ясно, что литературная ассоциация все-таки работала. А в начале марта 1932 г. состоялась первая конференция КирАПП. Но и этой литературной организации не суждено было реально работать: вскоре партийные органы решительно вмешались в общесоюзный литературный процесс.

Постановление ЦК ВКП(б) от 25 апреля 1932 г. “О перестройке литературно-художественных организаций”, как и всякий партийный документ директивного характера, явилось сигналом к “быстрому реагированию” на местах. Так, Средазбюро ЦК ВКП(б) оперативно принимает постановление “О перестройке литературно-художественных организаций в Средней Азии”. В постановляющей части предписывалось: “Ликвидировать Среднеазиатскую и республиканские ассоциации пролетарских писателей (СААПП, РАПП), объединить всех писателей Средней Азии, стоящих на платформе советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, создав в них коммунистические фракции.

3. Поручить ЦК национальных компартий:

а) провести немедленную перестройку литературных организаций и других видов искусства в республиках на основе постановления ЦК ВКП(б) и создать оргкомитеты по руководству литературным движением и по созыву республиканских съездов советских писателей;

б) усилить партийное руководство литературным движением, создав в составе культпропов секторы художественной литературы и языка и укрепив их квалифицированными работниками”<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Алексеев Г. Заметки о киргизской литературе // Новый мир. 1931. №12. С. 87.

<sup>2</sup> О перестройке литературно-художественных организаций в Средней Азии: Постановление Средазбюро ВКП(б) // Советская литература народов Средней Азии. 1932. Т. 1. С. 12.

28 апреля 1932 г. бюро Киробкома партии принимает решение, что публикация письма Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” является сигналом для широкого наступления партии на идеологическом фронте, призывом к борьбе с гнилым либерализмом, имеющим среди части большевиков некоторое распространение”<sup>3</sup>. Тут же выявились и “антипартийные искажения и в киргизской литературе”. В результате обнаружилось, что “в значительной части изданной художественной литературы протаскивалась контрреволюционная, националистическая бай-манапская идеология (сборник стихов Тыныстанова, “Невольные дни” Карачева, “Аджар” и стихи Баялинова, стихи Кененсариева и др., помещенные в сборнике “Красный цветок””. “Наблюдается тенденция со стороны отдельных членов КирАПП превратить марксистско-ленинскую критику и самокритику в беспринципную и нездоровую обстановку на почве личных моментов”<sup>4</sup>.

Под эту формулировку критике мог подвергнуться любой мыслящий писатель. Основные стрелы были направлены на Тыныстанова. Его то исключали, то восстанавливали в партии. Сборник его стихов изымался как “реакционный”.

В республике, где в тот период уже отсутствовали литературные группы с различными идейно-политическими платформами, речь могла идти только о преобразовании единственной интернациональной Киргизской ассоциации пролетарских писателей. 16 июня 1932 г. Киробком партии, выполняя постановления ЦК ВКП(б) и Средазбюро ЦК ВКП(б), принял директивный документ “О перестройке литературно-художественных организаций (?) в Киргизии”, который санкционировал роспуск КирАПП и создание Оргкомитета ССП Киргизии во главе с А. Токомбаевым<sup>5</sup>.

До середины 1933 г. Оргкомитет не имел собственного делопроизводства и помещения. О его деятельности можно судить лишь по газетным публикациям и отдельным архивным документам. Его актив пытался пропагандировать партийные решения о перестройке литературных организаций, устраивал во Фрунзе литературные вечера, принимал участие в работе оргкомитетов ССП Средней Азии и СССР и их пленумов, занимался организационными вопросами созыва Первого съезда писателей Киргизии, который состоялся 22 апреля 1934 г. Съезд образовал Союз советских

<sup>3</sup> ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 415. Л. 27–91.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Баялинов Т. Под руководством Коммунистической партии – к расцвету киргизской советской литературы. Фрунзе: Кыргызстан, 1978. С. 47.

писателей Киргизии, руководителем которого стал А. Токомбаев. К. Тыныстанов не вошел в руководящий состав Союза писателей Киргизии.

Вся первая половина 1934 г. в стране проходила под девизом подготовки Первого съезда Союза писателей СССР. Инициатор и организатор съезда, кумир всех советских писателей А.М. Горький обращается к И.В. Сталину. В письме высказывается тревога по поводу стремления партийной группы (Юдин – Мехлис) командовать союзом писателей. «Группа эта, имея “волю к власти” и опираясь на центральный орган партии, – пишет Горький, – конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой...»<sup>1</sup>. Партия уже давно руководила всей идеологией, в том числе литературой. Так было в центре страны, так и в республиках.

От Киргизии в работе Первого съезда Союза писателей СССР участвовал только один делегат (насколько нам удалось выявить) – председатель Союза писателей Киргизии Аалы Токомбаев. Он был избран и в руководящий орган – правление Союза советских писателей, как и все руководство организации, специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1934 года<sup>2</sup>.

После съезда писателей в СССР ужесточился идеологический надзор за интеллигенцией. Знаменитое имя уже не влияло на возможность публиковаться и не гарантировало освобождение от репрессий.

Все ведущие писатели были взяты под негласный надзор. А их мнение по поводу Первого съезда Союза писателей, творческой и идеологической атмосферы в стране регулярно стали отслеживать негласные агенты секретно-политического отдела НКВД СССР.

Съезд показал, что отныне вся литературная деятельность в стране должна базироваться только на марксистско-ленинской методологии, и литераторы отныне будут под неусыпным надзором секретно-политического отдела НКВД и ЦК ВКП(б). В отчетном докладе оргкомитета Союза советских писателей Киргизии I съезду, озвучен-

<sup>1</sup> Письмо А.М. Горького И.В. Сталину // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 г. М., 2002. С. 220.

<sup>2</sup> Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О составе руководящих органов Союза советских писателей СССР” (документы впервые опубликованы) // Власть и художественная интеллигенция... М., 2002. С. 236–238.

ном А. Токомбаевым 24 апреля 1934 года, основное место в критике было уделено К. Тыныстанову и “тыныстановцам”, которых клеймили как контрреволюционеров, злейших врагов советской власти, идеализирующих прошлое и проводников националистических идей Алаш-Орды. Съезд констатировал, что только благодаря вмешательству ЦК партии, газеты “Правды” и Средазбюро ЦК, поддержавших линию оргкомитета ССП Кыргызстана, “тыныстановщина” была разоблачена<sup>3</sup>.

В республике после этого съезда писателей вакханалия вокруг творчества Тыныстанова разгорелась с новой силой. Сам Тыныстанов и его коллеги были оклеветаны окончательно, что для всех них окончилось трагически, как и с советскими писателями – в 1937–1938 гг.

К сожалению, до сих пор дозированный доступ ученых республики к архивам КНБ КР, всё еще засекреченным и, к сожалению, непубликуемые документы о настроениях и борьбе с “инакомыслием” интеллигентов, не позволяют полностью и всесторонне раскрыть взаимоотношения интеллигенции и власти в те давние 30-е годы, хотя эти документы давно исчерпали статус секретности.

Все стихотворные произведения К. Тыныстанова, напечатанные в 1919–1924 гг., включены в его первую и единственную поэтическую книгу – “Сборник стихов Касыма”, изданную арабской графикой в Москве в 1925 г.<sup>4</sup>, которая была запрещена в апреле 1932 г.

Литературоведы наших дней отмечают, что в стихотворениях “К алашу”, “Гумбез Манаса”, а также в лирических отступлениях и в последних строках поэмы “Джаныл” можно уловить печаль о прошлом казахского и кыргызского народов, тоску и скорбь об ушедших временах<sup>5</sup>. Этого было вполне достаточно, чтобы решением Кыргызского обкома партии объявить об идеализации автором прошлого,

<sup>3</sup> Из отчетного доклада Оргкомитета ССП Киргизии I съезду советских писателей Киргизии – об оценке творческой деятельности К. Тыныстанова. См.: Касым Тыныстанов: Талант и судьба // Сборник документов. Бишкек, 2011. С. 216–227.

<sup>4</sup> Касым ырларынын жыйнагы. М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. (2-е изд. Бишкек, 2001).

<sup>5</sup> Литературоведческая характеристика сборника в целом дана в монографии С. Джигитова “Обретение традиций” (Фрунзе, 1984). Полный перевод поэмы “Джаныл-Мырза” опубликован В. Шаповаловым (Слово Кыргызстана. 2000. 16 июня; Res Publika. 1993. 26 ноября).

об отходе от марксизма-ленинизма, а его самого – поэтом реакционером, а позже и “врагом народа”.

В такой сложной обстановке жесткого пресинга партийно-советской тоталитарной системы происходило становление киргизской литературной интеллигенции. И тем не менее, символизируя успехи народа, не имевшего до революции ни профессионального искусства, ни письменной литературы, ни науки, молодая советская национальная интеллигенция продемонстрировала торжество “национальной по форме и социалистической по содержанию” культуры киргизского народа в Москве в дни Декады киргизского искусства.

К концу 30-х годов в СССР было покончено с инакомыслием. Первая и вторая волны советской

интеллигенции, в том числе и рожденная революцией кыргызская интеллигенция, уверовавшая в лозунги большевизма о национальном возрождении своих народов, были физически уничтожены. Пришедшее им на смену новое поколение оказалось послушным исполнителем воли партии, беспрекословным агитатором и пропагандистом идей марксизма-ленинизма. Режим военного времени закрепил это положение.

Вторая половина XX века прошла под знаком диктатуры партии. Но парадокс истории заключается в том, что именно в это время советское государство достигло своего расцвета, а новое поколение интеллигенции стало двигателем перерождения современного мира.